

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА ХАРЬКОВА

младший научный сотрудник отдела русского фольклора
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kharkovas@mail.ru

ХРИСТИАНСКИЕ ХРОНОНИМЫ В БЫЛИНАХ: ВЕЧЕРНЯ И ЗАУТРЕНЯ

А н н о т а ц и я . В статье осмысляется христианский компонент былин, который только в последнее время начинает комплексно изучаться. Анализируются былины Русского Севера на предмет упоминаний в них вечерни и утрени (заутрени). Рассматривается, в какие формулы, мотивы и сюжеты включаются эти понятия. В результате оказывается, что в своей основной семантике былинные вечерня и заутреня обозначают буквальную утреннюю и вечернюю церковные службы, что не соответствует церковному пониманию этих терминов. Эти два родственные понятия представлены в былинах очень контрастно. Их изучение способствует разработке вопроса о том, какие реалии христианской веры были созвучны поэтике былин и смогли закрепиться в их художественном мире. Высказывается предположение, что вечерня вошла в былины на позднем этапе их бытования через внедрение в топоним «переезд из одного пункта в другой между двумя церковными службами».

К л ю ч е в ы е с л о в а : былины, Русский Север, заутреня, утренняя, вечерня, христианство в былинах

Д л я ц и т и р о в а н и я : Харькова С. Ю. Христианские хрононимы в былинах: вечерня и заутреня // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1201

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь православного человека имеет свой временной ритм: ее вехи – это праздники, дни почитания святых, посты; отдельные дни недели также наделены своим значением. В течение суток хронологически организуют жизненный распорядок приуроченные к определенному времени богослужения (вечерня, повечерие, полунощница, утренняя, часы)¹, а также Божественная литургия (народное название – обедня), но последняя, согласно христианской догматике, имеет надвременной характер.

Русский былинный эпос включает в себя многоплановый христианский компонент (комплексно его анализировали Ю. А. Новиков [4], А. Н. Розов [7]). Присутствуют в нем и отдельные хронологические христианские вехи, из перечисленных выше только три – утренняя (в основном в форме заутрени), вечерня и обедня. Рассмотрим подробнее особенности упоминаний вечерни и заутрени в былинах на примере севернорусских текстов, опубликованных в серии «Былины» академического Свода русского фольклора² (учитывая готовящийся в настоящее время к изданию том «Западное Поморье»), а также пока не вошедших в Свод записей из классических былинных собраний П. Н. Рыбникова³, А. Ф. Гильфердинга⁴, А. М. Астаховой⁵, Ю. М. Соколова – В. И. Чиче-

рова⁶, из сборника былин «малых очагов» севернорусской эпической традиции⁷.

Предварительно отметим, что в большинстве современных храмов Русской православной церкви закрепился порядок совершения двух ежедневных богослужений – утреннего (не равно «утреня») и вечернего (не равно «вечерня»), однако так было не всегда. Помимо Божественной литургии, в русских храмах в XI–XIV веках совершался суточный круг богослужений, который

«состоял из утренних молитв (“чина курооглашения”), заутрени (т. е. утрени), 1-го часа; 3, 6, 9-го часов, чина изобразительных, молитв перед обедом; вечерни; малого мефимона; великого мефимона; чина полунощного пения. Первые три службы и следующие пять служб объединены в два последования» [1: 487].

В XVIII–XIX веках общественное богослужение

«обычно совершалось трижды в день как в приходских церквях, так и в монастырях: в 3–5 часов утра – утренняя, в 8–10 – часы и Божественная литургия, в 15–16 часов – вечерня» [1: 509].

Современная же ситуация двух богослужений, причем с чтением утрени в вечернюю службу ежедневно и чтением вечерни по утрам в период Великого поста, возникает в Петер-

бурге и Москве в XIX веке, когда ускорившийся ритм жизни начинает препятствовать совершению богослужений трижды в день. Многие деятели Церкви были противниками этой новой системы (свт. Филарет Московский, св. Иоанн Кронштадтский), и, «тем не менее, к началу XX века утреня совершалась утром почти только в одних монастырях» [1: 510], [6].

* * *

Литургический день открывает **вечерня** – служба, традиционно совершавшаяся вечером, примерно во время заката солнца. В проанализированном былинном материале она встретилась всего в **9 текстах**, записанных в Кенозерье (5 текстов), Пудожье (2 текста), Прионежье (1 текст), на Зимнем берегу Белого моря (1 текст). Это варианты сюжетов «Дюк Степанович и Чурило Пленкович» (6 текстов), «Михайло Потык» (2 текста), «Добрыня и Маринка» (1 текст). В большинстве этих былин вечерня фигурирует с определением *христовская* (Рыбн. 181 = Гильф. 225 (Кенозеро)⁸; Гильф. 230 (Кенозеро); Сок.-Чич. 207 (Кенозеро); Сок.-Чич. 210 (Кенозеро); Гильф. 115 (Кизи)).

В тексте былинщика А. П. Сорокина в одной сюжетной ситуации соединяются три понятия: Дюк Степанович и Чурило Пленкович договариваются шапить три года, каждый день менять платья и коней, «чтоб ездить на каждый день к *заутрени*, к *обедни* и *вечерни*» (Пуд. 338, ст. 650). Понимание связи этих трех понятий можно увидеть и в другом пудожском тексте – в «Михайле Потыке» сказителя Н. В. Кигачева:

«И к *вечерни* в колокол ударили,
И тут Поток Михайло Иванович
К *вечерни* идти собирается,
А с другой стороны Авдотья Лиховидьевна,
И тут они с ней повенчались
<...>
Рано заблаговестили к *заутрени*
А и он, Потык Михайло Иванович
Он пошел объявить попам-церковникам,
Что померла его жена Авдотьюшка.
И приказали попы везти в церковь Божию:
“А после *обедни* ее хоронить будем”»
(Пуд. 314, ст. 82–86, ст. 98–103 – от Н. В. Кигачева).

Сходно упоминание вечерни в тексте «Потыка» А. М. Крюковой (ЗБ 71, ст. 81–91). Но в нем сказительница дополнительно акцентировала внимание на том, что Авдотья Лиходеевна – «неправильная», иномирная невеста, соответственно, и венчание с ней происходит в «неправильное» время, вечером («Еретица была; говорит: “Обвинцеюсе после *вечерни*”»). Несомненно,

этот смысловой оттенок присутствует и в обозначенном выше пудожском «Михайле Потыке» Н. В. Кигачева.

В варианте кижского былинщика Семена Корнилова типическое место «переезд из одного пункта в другой между церковными службами» из сюжета о Дюке Степановиче включает в себя вечерню:

«Я выехал из Индеи из богатыя
После *поздних вечерен*,
А хочу поспеть в Киев на обедню»
(Гильф. 115, ст. 130–132 – от С. И. Корнилова).

Только в Кенозерье можно обнаружить некоторое закрепление вечерни в былинной традиции (причем с определением «христовская»): как и в тексте С. Корнилова, в варианте И. П. Сивцева Дюк выезжает из дома после вечерни (но прибывает в Киев к заутрени с обедней) – «во ту ли субботу великоденную, / И ушли *ко вечерни ко христовския*», то есть накануне Пасхи (Рыбн. 181, 54–55; от него же – Гильф. 225). Сходно в записи от его внука И. В. Сивцева (Сок.-Чич. 207) и работника отца старшего Сивцева П. А. Воинова (Гильф. 230) (в форме – *вечеренка*). И. А. Сивцев (Волхонов) включил упоминание вечерни в свой вариант «Добрыни и Маринки»:

«Зазвонили к *вечерне христовыи*,
Да походит Добрыня из высóка теремá,
Да выходит Маринка из-за зависы,
Да берет она два ножика два вострыи,
Да режит слíдики Добрынюшки,
Да крепко приговор да приговáривáёт»
(Сок.-Чич. 210, ст. 37–42 – от И. А. Сивцева (Волхонова)).

В этом фрагменте, как и в вышеприведенных примерах из текстов «Михайлы Потыка», очевидна характеристика вечерни как подходящего времени для дел, связанных с «иным» миром (например, для колдовства).

Явно примыкает к рассмотренным текстам сводная былина об Илье Муромце, записанная на Космозере (Прионежье). В ней использовано выражение «служба вечерняя», которое, кажется, можно рассматривать как замену вечерне:

«И хотел поспеть в Киев-град к обедне поздней,
Но приехал к *службе вечерней*,
<...>
Отстоял он *службу вечернюю*
И поехал в палаты княженецкие»
(Аст. 157, ст. 311–312, 318–319 – от П. Г. Горшкова).

Типическое место «переезд из одного пункта в другой между церковными службами», как мы еще убедимся далее, очень характерно для былин об Илье Муромце.

В связи с вечерней можно вспомнить и наблюдение, сделанное Р. С. Липец, о некотором сходстве с былинным типическим местом единичного выражения из древнерусской литературы – цитаты из «Поучения Владимира Мономаха» (XI–XII века): «А и-Щернигова до Кыева нестижды ездих ко отцю, днем еси переездил до вечерни» [3: 269, прим. 1].

В разы более частотно в былинах упоминается **утрени / заутрени** – она обнаруживается в **108 записях**. Правда, заутреня зафиксирована не во всех крупных былинных очагах (не упоминается в былинах Западного Поморья). Ее можно обнаружить в былинах о Добрыне Никитиче (в 3 записях от 3 исполнителей), особенно часто – в текстах об Илье Муромце (в 44 записях от 39 исполнителей), а также в старинах «Алеша Попович и Тугарин» (в 1 тексте), «Михайло Потык» (в 3 записях от 3 исполнителей), «Дунай-сват» (в 2 от 2), «Дюк Степанович и Чурило Пленкович» (в 30 от 30), «Чурило и Катерина» (в 12 от 12), «Иван Гостиный сын» (в 9 от 9), «Садко» (в 1), «Лука, змея и Настасья» (в 3 от 3).

Прослеживаются более или менее устойчивые прилагательные для характеристики былинной заутрени: чаще всего она *ранняя* (в 26 текстах) – только в 1 тексте *поздняя*, довольно часто, как и вечерняя, она *христо(в)ская* (в 22) и *христовая* (в 2), *воскресенская* (в 20) / *воскресная* (в 4) / *воскресенная* (в 1), иногда *честная* (в 5), редко – *благовещенская* (в 4), *великодённая* (в 2), *успенская* (в 1), *святая* (в 1), без прилагательного – в 36 текстах. Иногда могут использоваться одновременно несколько (2 или 3) прилагательных.

Заутрени бывают вседневные и праздничные – и получается, что весомая доля былинных заутреней являются праздничными (и в том числе воскресными). Это 53 текста с характеристикой заутрени как *христо(в)ской* и/или *воскрес(е)н(ск)ой*, *благовещенской*, *великодённой*, *успенской*. К ним примыкают вариант «Чурилы и Катерины», где действие имеет место в Петров день (Печ., 158), а также текст об исцелении Ильи Муромца, которое «случилось в пасху, ударили в первый раз к заутрени» (Аст. 157 (Прионежье)). Еще П. Н. Рыбников заметил, что обозначение пасхальной заутрени варьируется по регионам: «Заутреня в первый день Пасхи у заонежан называется христовскою, а у пудожан – воскресенскою»⁹. Характерно, что однокоренные воскресенской *воскресная* и *воскресенная* обнаружены только на Пудогге. Имеющийся материал дает возможность сделать и другие наблюдения над региональной спецификой обозначения: зим-

небережные былинщики чаще всего именовали заутреню *ранней* (в 10 текстах; другие варианты – в 2 текстах (*честная*) или в 1 (*воскресенская*, *благовещенская*, без прилагательного)); кенозеры называли ее или *христовской* / *христовской* / *христовой* (5 текстов), или *благовещенской* (2 текста), или *ранней* (1 текст); кулояне – или *воскресенской* (5 текстов), или *ранней* (2 текста), или *честной* (1 текст); в печорских былинах встречаем заутрени *воскресенские* (5), *христов(ск)ую* (2), *успенскую* (1) или без определений (3).

На Печоре обнаруживается в одном тексте очень характерная замена заутрени *утренней службой* (Печ. Прил. 7.1) (вспомним подобное в связи с вечерней). Характерная потому, что показывает, что в былинах отразилась традиция служения заутрени утром, а не вечером, как это стало происходить в столицах в XIX веке, а затем и повсеместно. Встречаем и другие несомненные обозначения именно утреннего времени посредством упоминания заутрени (Гильф. 316 (Моша), Кул. 16 = Кул. 17, ЗБ 88, ЗБ 90, Печ. 278, Печ. 279, Печ. 280):

«Он ставал-де по утру да всё по ранному,
Чёсну ранному утру да воскресеньскою,
Зазвонили тут *заутреню воскресеньскою*,
Только видели: срежалса добрый молодец,
А не видели поезки богатырское»
(«Илья Муромец и Соловей-разбойник», Кул. 16,
ст. 2–6 – от Т. И. Широкого («Трохи»));

«Поутру-то было, братцы, раным-рано,
Как на утренней было да ранной зорюшке,
На восходе-то была (так! – С. Х.) красна солнышка,
На зачине-то была (так! – С. Х.) светла деничка –
А пошел-то Данило да во божье церкву,
Да будил он свое да цядо милое,
Молодого Луку сына Данилова.
Ото сну-то Лука да пробужаитца,
Ключевою водой да умываитца,
Полотеньшком он да утираитца,
Хорошешинько он да снаряжаитца,
Надевает на себя да платьё цветное,
Он ведь цветное платьё, сам церковное.
Он пошел-то, Лука, да во божье церковь,
У церковных врат стоит послушиват –
А попы-ти поют да *вползаутрени*»
(«Лука, змея и Настасья», Печ. 279, ст. 8–23 –
от М. К. Шишоловой).

В этих примерах очень заманчиво видеть отражение исконной традиции служения заутрени утром, однако возможно и иное – не догматическое церковное, а упрощенное понимание термина «утреня / заутреня» как любой церковной службы, совершаемой утром.

Отличие от вечерни, которая, как мы показали, в былинном эпосе может обретать коннотацию «неправильного времени для правиль-

ных дел» (венчание, осуществленное в это время, не приводит к счастью) и «правильного времени для неправильных дел» (приворот, осуществленный в это время, оказывается удачен), заутреня всегда (во всех 108 текстах) имеет положительную или нейтральную семантическую окраску: ее посещает богатырь перед выездом (Пуд. 167), иногда по совету матери (Пуд. 47), сама мать может идти на нее (Гильф. 43 (Толвуй)), на ней находится князь Владимир (ЗБ 85, ЗБ 88, Рыбн. 181 = Гильф. 225 (Кенозеро), Сок.-Чич. 207 (Кенозеро), Печ. 139, Кул. 62), благочестивый муж из сюжета «Чурило и Катерина» (ЗБ 90, ЗБ 92, ЗБ 93, ЗБ 94, ЗБ 95, ЗБ 97, Печ. 158, Мез. 144, Кул. 67, Пуд. 376, Гильф. 309 (Моша), Гильф. 110 (Сенная Губа)). Крайне редко и слабо, но обнаруживается идея святости времени заутрени: именно во время пасхальной заутрени может получить исцеление Илья Муромец (Аст. 157 (Прионежье)); пойдя в церковь к заутрене, этот же богатырь кладет завет ехать в Киев и не кровавить по дороге оружия (Пуд. 167, Пуд. 195, Гильф. 112 (Кижич)); заутреня, как уже упоминалось, единично получает эпитет «святая» (Рыбн. 107 (Повенец)).

Семантика былинных заутрени и вечерни не противоречит отношению к утру и вечеру в народной культуре, сформулированному, например, С. М. Толстой:

«Перед восходом солнца <...> совершаются наиболее значимые магические действия продуцирующего и защитного характера, а время после захода солнца отмечено самыми сильными запретами, которые мотивированы опасностью вредоносных действий нечистой силы» [8: 216].

Значительную часть текстов, упоминающих заутреню, составляют былины с типическим местом *ехать от заутрени к обедне* (= «от утренней службы к обедне» в Печ. Прил. 7.1) – 57 текстов из 108. Фактически в нем через координаты времени и пространства показывается скорость; Т. Г. Иванова характеризует его как «топос передвижения <...> выраженный во временных параметрах» [2: 110]. Самую большую распространенность это типическое место имеет в былинах «Илья Муромец и Соловей-разбойник», которая, как показывает Свод русского фольклора, почти во всех былинных очагах, наряду с «Добрыней и Алешей», является самой популярной эпической песней. Оно было обнаружено в **31 записи** сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник» из разных былинных регионов Русского Севера: Пуд. 286, Мез. 107, Печ. Прил. 7.1, Рыбн. 4 (Кижич) = Гильф. 74 (Кижич), Рыбн. 62 (Кижич), Гильф. 104 (Сенная Губа), Гильф. 112 (Кижич), Сок.-Чич. 107 (Кижич), Сок.-Чич. 130 (Кижич), Рыбн. 191 (р. Оне-

га), Мез. 68, Мез. 72, Пин. 10, ЗБ 34, ЗБ 36, Аст. 141 (Прионежье) = Сок.-Чич. 104 (Кижич), Аст. Прил. 1.2 (Прионежье) = Сок.-Чич. 130 (Кижич), Аст. 122 (Прионежье), Аст. 131 (Прионежье) = Сок.-Чич. 96 (Кижич), Пуд. 192, Пуд. 193, Пуд. 195, Пуд. 198, Пуд. 174, Пуд. 180, Пуд. 205, Пуд. 208.

«Он заутренку тую христовскую
А стоял во городе й в Муромле,
Да й хотел попасть к обедни в стольней Киев-град.
Кладовал он заповедь великую:
Не съезжаться, не слетаться во чистом поли,
Да не делать бою-драки-кролития»
(Сок.-Чич. 96 (Кижич), ст. 5–10 – от П. И. Рябины-Андреева).

Это типическое место можно встретить и в редкой былинах «Иван Гостиный сын». В ней, по формулировке Н. В. Петрова, оно «играет роль сюжетобразующего мотива, “провоцирующего” эпическую песню на дальнейшее развитие действия» [5: 329]. На нашем материале это **8 текстов**: Сок.-Чич. 270 (Кенозеро), Печ. 190, Печ. 191, Печ. 192, Печ. 193, Рыбн. 97 (Кижич), Гильф. 133 (Кижич), Гильф. 135 (Кижич):

«Бился он съездить все один након,
А съездил на славу ровно три раза
Меж той обедней, между утреней
Три девяноста равномерных верст»
(Печ. 192, ст. 68–71 – от Г. А. Карманова).

В былинных регионах обонежско-каропольской традиции это типическое место обнаруживается в **15 текстах** сюжета «Дюк Степанович и Чурило Пленкович»: Сок.-Чич. 216 (Кенозеро), Аст. 142 (Прионежье), Аст. 149 (Прионежье), Аст. 175 (Прионежье), Пуд. 339, Пуд. 342, Пуд. 343, Пуд. 344, Пуд. 357, Пуд. 360, Пуд. 366, Пуд. 340, Рыбн. 30 (Пудожская Гора) = Гильф. 152, Гильф. 159 (Космозеро).

«Я из той Индей из богатыя,
Молодой боярин Дюк Степанович.
Отстоял дома раннюю заутреню,
А сюда приехал ведь к обедне-де»
(Гильф., 159, ст. 133–136 – от И. А. Касьянова).

Единично при помощи этого типического места характеризуются и некоторые другие герои: Настасья-поленица из сюжета «Дунай-сват» (Аст. 164 (Прионежье), Сок.-Чич. 119 (Прионежье)) и Алеша Попович (Пуд. 302).

Обнаруживается минимальная вариативность: герой (Илья Муромец или Дюк Степанович) может ехать от вечерни к заутрене в старине И. П. Сивцева (Рыбн. 181 = Гильф. 225 (Кенозеро)); собирается приехать в Киев к заутрени, но не успевает и к обедне (Пуд. 208 – в речи героя; Пуд. 191) или собирается к заутрени, а успевает только к обедне (книжный в основе Печ. 62

(зависит от Пуд. 191)). «Типическое место» может получить дополнительную разработку: герой выезжает в Киев, когда в Карачарове отзвонили к заутрени, – оказывается в Чернигове, когда народ выходит от заутрени, – приезжает в Киев, когда все идут от обедни (Рыбн. 191 (р. Онега)).

Период между заутреней и обедней осмысливается и в одной из записей печорской былины «Лука, змея и Настасья». Выходя из дома, отец наказывает прислуге:

«Я пойду-де как нонь да в черков божию,
Я ко утрене нынь да воскресеньской –
Разбудите вы моего чада милого,
А того-де Луку сына Даниловича, –
Он придёт пусь к обедни да воскресеньской»
(Печ. 278, ст. 10–14 – от Д. К. Дуркина).

Интересно, что временной промежуток между этими двумя церковными службами отразился и в других областях народной культуры: в обрядовом поведении (на Благовещенье «между заутреней и обедней хозяйки сгоняли помелом кур с насеста, чтобы они начали нестись к Пасхе»¹⁰), в устойчивом выражении (меж обедней и заутреней – *Новг.* Об очень коротком промежутке времени¹¹). Любопытно и то, что Г. Р. Державин в стихотворении «К другу» (1803), упоминая богатырскую поэму Н. А. Львова «Добрыня», использует это же выражение:

«С кем, вторя, он Добрыню пел,
Меж завтреной и меж обедней»¹².

Иногда в былинных текстах упоминается только заутреня, а обедня опускается, хотя логика повествования вполне позволяла бы использовать и все типическое место «от заутрени к обедне»: Пуд. 167, 200, 202, ЗБ 33, Кул. 16=17, Кул. 18, Кул. 20, Рыбн. 107 (Повенец). Встречается и одновременное упоминание заутрени и обедни: например, «Сослужи-ко христовскую обеденку, ну и простой христовскую заутренку» (Пуд. 47, ст. 53–54).

ВЫВОДЫ

1. В своей основной семантике былинные вечерня и заутреня следуют не за поздним церковным канонем (чтение утрени в вечернюю службу ежедневно и чтение вечерни по утрам в период Великого поста), а за изначальным соответствием времени суток, отразившимся в наименовании церковной службы.

2. Эти два родственные понятия оказываются представленными в былинах очень контрастно: заутреня встречается часто и почти во всех крупных эпических очагах Русского Севера – вечерня крайне редко; заутреня во всех случаях имеет положительную или нейтральную семантику – вечерня проявляет семантику «правильного времени для неправильных событий», «неправильного времени для правильных событий».

3. Анализ семантики этих двух понятий в былинах акцентирует внимание на вопросе о том, какие реалии христианской веры были созвучны поэтике былин и могли войти в их художественный мир. В соответствии с традиционными народными представлениями, более ценностным временем суток было утро, а не вечер, то есть время утрени, а не время вечерни. Видимо, именно поэтому в былинный эпос намного более активно входит не церковная служба, происходящая в опасное время, когда становится возможной связь с «иным миром», а служба, идущая во время, наделенное максимальной продуцирующей силой (не случайно, видимо, и то, что в редких случаях время заутрени наделяется семантикой особой святости).

4. Вероятно, вечерня вошла в былины на позднем этапе их бытования, потому и не сформировалась полнокровная традиция ее упоминания, однако при этом она прикрепилась к древним, относящимся еще к мифологическому, а не государственному, смысловому слою в былинах мотивам приворота, женитьбы на «иномирной» невесте.

5. И вечерня, и утрени наиболее частотно в былинах входят в типическое место переезда из одного пункта в другой между двумя церковными службами. Возможно, именно этот топос, в котором изначально были только положительные в своей семантике заутреня и обедня, и «притянул» (посредством аналогии) вечерню в формульное поле былин.

Дальнейшее изучение хрононимов в былинах планируется по двум векторам: 1) обращение к рассмотрению иных понятий, прежде всего обедни, а далее – обозначений праздников и дней недели; 2) включение в исследовательское поле былин Центральной России, Урала, Сибири и Дальнего Востока, казачьих регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перечисляем в соответствии с канонем, согласно которому «день в Церкви начинается вечером с вечерни» [6: 151].

² Былины Печоры / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. 773+784 с. (Свод русского

- фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 1–2) (далее – Печ.); Былины Мезени / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Корпус текстов и коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2003–2006. 531+714+600 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 3–5) (далее – Мез.); Былины Кулоя / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. 924 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 6) (далее – Кул.); Былины Пинеги / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, М. В. Рейли. СПб.: Наука; М.: Классика, 2012. 974 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 7) (далее – Пин.); Былины Зимнего берега Белого моря / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков. СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. 995 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 8) (далее – ЗБ); Былины Пудогги / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013–2016. 1063+952+1296+882 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 16–18) (далее – Пуд.).
- ³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Карельский филиал АН СССР. Ин-т языка, литературы и истории; Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск: Карелия, 1989–1990. Т. 1–2 / Подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. 527+640 с. (далее – Рыбн.).
- ⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.: В 3 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Сектор фольклора; Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1–3. 735+812+670 с. (далее – Гильф.).
- ⁵ Былины Севера / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Подгот. текстов и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье. 847 с. (Материалы Рукописного хранилища Сектора фольклора / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц) (далее – Аст.).
- ⁶ Онежские былины / Гос. лит. музей; Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948. 938 с. (Летописи Государственного Литературного музея; Кн. 13) (далее – Сок.-Чич.).
- ⁷ Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исслед. и тексты / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 454 с. (далее – МО).
- ⁸ Здесь и далее подобное написание обозначает повторную запись от одного сказителя.
- ⁹ Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск, 1989. Т. 1 / Подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. С. 164.
- ¹⁰ Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь. СПб., 2017. С. 176.
- ¹¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок / Международная ассоциация преподавателей рус. яз. и лит. Рос. об-во преподавателей рус. яз. и лит. С.-Петербург. гос. ун-т. Межкаф. словарный кабинет им. Б. А. Ларина. М., 2013. С. 454; Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов / Мин-во образ. РФ. Новгородск. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. В. Новгород, 2004. С. 162–163.
- ¹² Державин Г. Р. Память другу // Сочинения Державина: [В 9 т.] / Имп. АН; С объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. СПб., 1865. Т. 2, ч. 2. С. 462.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Желтов М. С., Правдолюбов С. Богослужение Русской Церкви. X–XX вв. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. С. 485–517.
- Иванова Т. Г. Историческое пространство в былинах / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2023. 544 с.
- Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1969. 302 с.
- Новиков Ю. А. Христианская вера, монастыри и храмы в былинах // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на Заонежской земле: Сб. ст. / Сост. и подгот. И. В. Мельников. Петрозаводск: Изд. центр музея-заповедника «Киж», 2014. С. 311–326.
- Петров Н. В. Богатыри на Русском Севере: Сюжеты и ареалы бытования. М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2008. 463 с.
- Пятеров А. С. Проблема современной богослужебной практики совершения вечерни и утрени: способы преодоления // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 1 (22). С. 149–161.
- Розов А. Н. Православные мотивы в севернорусских былинах // Розов А. Н. Русская народная культура (Избранные труды: 1974–2017 гг.). СПб., 2017. С. 265–285.
- Толстая С. М. Сутки // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 212–218.

Original article

Svetlana Yu. Kharkova, Junior Researcher, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) (St. Petersburg, Russian Federation)
kharkovas@mail.ru

CHRISTIAN CHRONONYMS IN HEROIC EPICS: VESPERS AND MATINS

Abstract. The article reflects on the Christian component of the heroic epics (*bylinas*), which has only recently begun to be comprehensively studied. Heroic epics of the Russian North are analyzed for references to vespers and matins. It is considered what formulas, motifs, and plots include these concepts. The findings indicate that, in their basic semantics, vespers and matins mentioned in heroic epics literally refer to morning and evening church services, which does not correspond to the church canon. These two related concepts are presented in the epics in a very contrasting way. Their study contributes to a broader understanding of what realities of the Christian faith resonated with the poetics of heroic epics and were able to gain a foothold in their artistic world. It is suggested that references to vespers were incorporated into the epics at a late stage of their existence through the topos of “moving from one point to another between two church services”.

Key words: bylinas, heroic epics, Russian North, matins, vespers, Christianity in heroic epics

For citation: Kharkova, S. Yu. Christian chrononyms in heroic epics: vespers and matins. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(5):70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1201

REFERENCES

1. Zheltov, M. S., Pravdolubov, S. Divine services of the Russian Church. X–XX centuries. *Orthodox encyclopedia. Russian Orthodox Church*. (Patriarch of Moscow and All Russia Aleksey II, Ed.). Moscow, 2000. P. 485–517. (In Russ.)
2. Ivanova, T. G. Historical space in Russian bylinas. St. Petersburg, 2023. 544 p. (In Russ.)
3. Lipets, R. S. Epic and Ancient Russia. Moscow, 1969. 302 p. (In Russ.)
4. Novikov, Yu. A. Christian faith, monasteries, and temples in Russian bylinas. *Church of the Transfiguration on Kizhi Island: 300 years on the land of Zaonezhye: Collection of articles*. (I. V. Melnikov, Ed.). Petrozavodsk, 2014. P. 311–326. (In Russ.)
5. Petrov, N. V. Bogatyrs in the Russian North: Plots and habitats. Moscow, 2008. 463 p. (In Russ.)
6. Pyaterov, A. S. The issues of modern liturgical practice of celebrating vespers and matins: ways to overcome. *Theological Collection of Tambov Theological Seminary*. 2023;1(22):149–161. (In Russ.)
7. Rozov, A. N. Orthodox motifs in Northern Russian Epics. *Rozov, A. N. Russian folk culture (Selected works: 1974–2017)*. St. Petersburg, 2017. P. 265–285. (In Russ.)
8. Tolstaya, S. M. Twenty-four-hour day. *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*. (N. I. Tolstoy, Ed.). Moscow, 2012. Vol. 5. P. 212–218. (In Russ.)

Received: 9 December 2024; accepted: 28 April 2025